

Владимир Костров:

«Обещаю любить и прощать»

Летом 1972 года мы, студенты Луганского машиностроительного института, проходили практику на Коломенском заводе и, естественно, все выходные проводили в Москве. В один из приездов наше внимание привлекла афиша «Вечер творчества для студентов МАДИ»...

Это было действительно интереснейшее вечер, но в памяти сегодня остались только двое из выступавших на нём. Это Елизавета Ауэрбах, читавшая весёлые детские рассказы, и молодой красавец поэт Владимир Костров, буквально очаровавший аудиторию и своим обаянием, и мелодичностью стихов, в которых не было привычно-показного комсомольского задора и фальшивых заклинаний-признаний в любви к светлым идеалам. Была просто любовь и завораживавшая музыка поэтической речи. Это и запомнилось.

Я благодарен судьбе за то, что спустя почти сорок лет на фестивале «Славянские традиции» она подарила мне ещё одну встречу и возможность общения с Владимиром Андреевичем, профессором Литературного института, лауреатом Государственной премии России, литературных премий имени А.Т. Твардовского и Ф.И. Тютчева. И он снова очаровал своей мудрой добротой, отзывчивостью и абсолютным отсутствием чванства и высокомерия, иногда свойственными «звездам», в том числе и поэтическим. И ещё поразительным соответствием личности поэта его творчеству.

Химическая формула стиха...

— «Что-то физики в почёте. Что-то лирики в загоне. Дело не в сухом расчёте, дело в мировом законе». К вам, Владимир Андреевич, эта известная формула 60-х годов прошлого столетия относится лишь косвенно, поскольку вы в то время были не физиком, а высококвалифицированным химиком, автором нескольких изобретений, ценность которых подтвердилась спустя пару десятилетий. Но и как лирик не были в загоне, ибо стихи ваши пришли по душе и читателям, и критикам.

— После химвака МГУ я работал на заводе в Сергиевом Посаде, занимался исследованиями и синтезом поляризационных плёнок, чувствовал перспективу и не ошибся: сейчас без этого не было бы плоских экранов телевизоров, жидкокристаллических приборов. Но в то время такие опыты оказались невостребованы, и я предпочёл стихи, которые любил с детства. Я родился в глухой, совершенно

затерянной деревне в Костромской области — в болотах, мхах, реках...

С пяти лет читал, играл в шахматы — старался развиваться. Там окончил сельскую школу, куда бегать приходилось три с половиной километра. Как ни странно, современной литературы у нас не было вовсе. Была классика, оставшаяся ещё с царских времён, да и потом, спасибо советской власти, печатавшаяся в большом количестве.

Уже к двенадцати годам хорошо знал Пушкина, Некрасова, Тютчева, Лермонтова. Чуть позднее — Блока. А первое стихотворение сочинил в четвёртом классе. Товарищам и учителю оно понравилось.

Позже, в университете, почти все стремились к стихотворному выражению своих чувств и мыслей. Я стал участником литобъединения, которое вёл Николай Константинович Старшинов. Он показал мои стихи в журнале «Юность», где и состоялась в 1958 году первая моя публикация.

А потом в «Новом мире» появилась статья Ярослава Смелякова, где писалось, что из меня получится, ну так скажем, приличный стихотворец... В 1961-м мне предложили вступить в Союз писателей, хотя для приёма полагалось иметь две книги, а у меня не было ни одной...

Здравствуй, мир, здравствуй, друг, здравствуй песен щедрый круг!

— Сегодня на ваши стихи написано свыше 200 песен такими композиторами как Александр Пахмутова, Раймонд Паулс, Ваню Мурадели, Лора Квинт... Один из дисков серии «Легенды фирмы» «Мелодия» посвящён песням на ваши произведения. На некоторые ваши стихи существует по 20 вариантов музыки, написанной разными авторами из разных городов. Причём, создаются песни разных жанров — от авторских до классических и народных...

— Вообще, нашему миру не хватает музыки и поэзии. Поэзия — это знак качества на любом виде искусства, на музыке, на архитектуре, на геометрии. На всём. Всегда есть эта вечная нить Ариадны, которая проходит через тысячелетия и связывает с красотой мира.

Первую песню мы сочинили с композитором Ваню Мурадели. Пел её хор Александра. Однажды её повторили по радио, я слушаю и думаю: «Боже мой, что же так плохо написал?» — как-то лафосно, неоригинально...

Сейчас я преимущественно пишу стихи к песням для фильмов. «Процальное

эхо», «Юнкера», «Белый ковчег» — в этих сериалах звучат песни, написанные талантливым артистом и композитором Николаем Романовым.

Я люблю подкашивать исполнителям мотивчики. Однажды в «Литературной газете» обмолвился, что написать «хит» очень просто. Мне тогда позвонили из Министерства культуры и сказали: «Не можете ли подтвердить это на практике?» Меня охватил спортивный азарт. И через какое-то время песенка «Куба далеко, Куба рядом...» стала, что называется, всенародно известна. А с телеэкранов Мирдза Зивере и Иммануил Вандзевич призывают танцевать под ритмичную песенку «Думай, думай, думай...», где я сознательно изменил ударение в некоторых словах, учитывая латышский акцент исполнителей.

К Играм Доброй воли в 1986 году мы с Лорой Квинт написали песню «Здравствуй, мир», которая, к удивлению организаторов, стала лейтмотивом соревнований. Я и сегодня часто слышу песни на свои стихи, правда, без упоминания автора. Сейчас почему-то так принято. Наверное, это отражает отношение к поэзии в целом.

«Нет, литература у нас кое-какая есть»

— Поэзия переживает ныне достаточно странный период. Число пишущих растёт, а число читающих падает. Причём сочинять начинают зачастую в зрелом возрасте, к примеру, выйдя на пенсию, а уровень их начитанности ограничивается несколькими строчками Пушкина, Лермонтова и Маяковского из школьной программы. Подобная поэтическая дремучесть проявляется в искреннем убеждении, что всё написанное этими, условно говоря, молодыми авторами — гениально. Их произведениями заполнены интернет-сайты, книжки они щедро дарят библиотекам и школам, не способствуя тем самым росту любви к истинной поэзии. Да, рядом живут и пишут талантливые авторы. Но не зря сказано: «Всенародно известными стать не дано современным поэтам...»

— Вы правы, число пишущих, как ни странно, растёт. И это не так уж плохо. Это в традициях нашей страны, для

которой во все времена «в начале было Слово», и разные уголки которой связывает, прежде всего, речь, а не железная дорога. Думаю, время всё расставит по местам.

Творчество талантливых поэтов нужно пропагандировать, и в этом должна проявляться роль государства. Самое мощное средство пропаганды сегодня — телевидение. Но там практически нет даже небольших поэтических программ. Они — «не формат». Почему? Кто так решил? Почему навязывается информация о том, что красиво или некрасиво, хорошо или плохо? Лучший способ отличить хорошее от плохого — познакомиться с классикой, потому что она не прошлое, она — совершенство.

Удивительно, что в центре внимания общества песенки с совершенно дикими текстами, а песни с поэтическим содержанием с огромным трудом пробиваются на экран. Да и в большинстве тиражных газет исчезли поэтические подборки. Ну, а то, что книги выходят маленькими тиражами, так ведь и Блока тоже не выпускали тиражом больше тысячи экземпляров, но все его знали в стране. Как знали и Есенина, который вообще был запрещённым. Думаю, и сейчас поэзия победит, ибо в ней голос и душа народа.

Всегда, в любой стране процентов десять-пятнадцать населения — идеалисты. Вестружес говорил в своё время Пушкину, что «критика у нас есть, а литературы нет». На что Пушкин отвечал: «Если нет литературы, то критика не нужна». А потом добавил: «Нет, литература у нас кое-какая есть». Вот таким скромным человеком был наш Александр Сергеевич, воинству сделавший свой век «золотым». А потом был «серебряный век»... Хороших, сильных поэтов и сегодня много, и в России, и на Украине. Просто они востребованы очень узким кругом читателей.

С другой стороны, в творчестве некоторых современных сочинителей меня настораживает полная оторванность от жизни, псевдометафоричность, высокомерная замкнутость в самих себе. Другая крайность — люди, которые строят творчество, как частный бизнес. Они словно торгуют товаром по свободным рыночным законам. Я понимаю: это их право. Но мне грустно. Похабщины хватает и вне поэзии. Настоящие поэты всегда стремились не выделиться, а, наоборот, раствориться в народе, стать частью народной жизни.

И остаться в ней. Шекспир, Пушкин, Сервантес — и сегодня рядом с нами. Кто помнит, какое правительство было при Гомере? А его стихи живут. И литература живёт в каждом из нас.

«Я твой сын, я овощ с этой грядки. Видишь — плачу, значит, всё в порядке...»

— В вашем творчестве традиции русской классики органично сливаются с современностью. Рядом с «классическими» произведениями у вас стоят стихи афористично-ироничные, наполненные тонким юмором и иногда сарказмом...

— На мой взгляд, ирония и самоирония определяют русское писателя и поэта. Я узнаю его сразу по двум признакам. Первый — он всегда пишет пейзаж, ведь мы люди пространства. И второе — он всегда ироничен. Но ирония эта всегда обращена прежде всего к себе. Это подучивание над собой есть и в «Евгении Онегине» Пушкина, и в других произведениях русских классиков. Это естественное состояние человека, у всех нас рядом с грустью и печалью — улыбка сиюминутного, понимание и прощение собственных и чужих недостатков.

Стихи пишутся, и это удивительно. Самый большой страх для меня, когда перестанут писаться стихи, что-то оборвется. И вроде стыдно жить стихами, и жить уже нельзя без них. Должен ли художник верить в себя, как в Бога? Да. Должен ли постоянно угрызаться и сомневаться в своих возможностях? Да. И спрашивать себя, кому нужна чепуха, которой я занимаюсь? Да. Да. Да.

* * *

Как-то украинский поэт Никола Малахута сказал: «Хороших, мастеровитых поэтов много. А вот хороших, добрых, порядочных — всегда мало». Владимир Костров — именно такой. На фестивале «Славянские традиции» он вместе с супругой Галиной Степановой (тоже очень известным в литературном мире редактором, проработавшей 40 лет в издательстве «Молодая Гвардия») был самой трогательной парой, излучавшей любовь и умиротворение. Наверное, по-другому и быть не может. Ведь именно Костров написал: «Что тебе я могу обещать? На пространстве вселенского краха обещаю любить и прощать...»

Владимир СПЕКТОР

И в памяти живой всегда хранится образ твой

К 80-летию со дня рождения Анатолия Домбровского

Среди множества колоритных личностей современной культуры и литературы Крыма с особыми чувствами и отношением вспоминается имя выдающегося писателя Анатолия Домбровского (1934-2001) — автора 24 романов, 18 повестей, множества рассказов и публицистических статей.

Более 20 лет Анатолий Иванович занимал пост председателя Крымской организации Союза писателей. Кавалер ордена «Знак почёта», лауреат многих литературных премий, основатель крымского журнала «Брега Тавриды».

В нашей литературе Анатолий Домбровский — явление многогранное, удивительное и исключительное. Он — представитель поколения 1930-х годов, по писательскому генезису его следует отнести к «шестидесятникам», и, что самое главное, было бы ошибкой не внести его имя в когорту писателей-мудрецов последнего десятилетия XX века — обладателей особого, пророческого дара

И если в контексте установленных координат этого периода поискать фигуру, равноценно выделяющуюся по своему масштабу, колориту, глубине и ясности мыслеподходов, творческой плодотворности, рельефной выразительности героев, то мы вынуждены будем включить сюда и имя нашего выдающегося земляка и современника.

Критерии оценки его весомого творческого наследия, общественного темперамента и личного обаяния, на наш взгляд, следовало бы искать в ценностных параметрах античного «осевого» времени. Наряду с этим, титанический писательский подвиг переключается с десятилетиями гонимых эпохи Возрождения. И, называя сегодня вещи своими именами, отвечая искренне и ситосердечно на вопрос «кто есть кто?» на крымском постсоветском пространстве, мы обязаны отдельной строкой начертать имя Домбровского среди известных выдающихся писателей второй половины XX века. У меня нет также ни малейшего сомнения в том, что свет его пророческих идей с годами будет всё ярче сиять на небосводе мировой литературы.

Известно, что в литературе, как и в других видах художественного творчества очень нелегко избежать влияния признанных мэтров, великих мастеров. Не каждый объективный беспристрастный эссеист сможет без предвзятости, шаблонов и штампов подойти к осмыслению и оценке индивидуальных черт литературного наследия современного писателя, избежать соблазна не

всегда обоснованных сравнений и параллелей. А тем более для многих кажется даже необходимым и неизбежным всех великих писателей сравнивать с гениями прошлых эпох и творивших на крымской земле, где в ноосферном пространстве витают мысли. И тем не менее, несмотря на то, что на скрижалях истории и культуры золотыми буквами начертаны блестящие имена А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.С. Шмелева, С.Н. Сергеева-Ценского, А.С. Грина, М.А. Володина и других, Домбровскому удалось — одному из немногих! — стать не похожим ни на одного, второго, третьего, а найти свою уникальную, никем не занятую, свободную нишу на непростом, густо «заселённом» писателями литературном поле Крыма. Поэтому совсем не случайно ему одному из первых удалось заметить, а скорее почувствовать фальшивые звуки, что начали заполнять сознание социума в конце 1980-х — начале 1990-х годов, период так называемой перестройки — понятия неопределённого, тёмного, бессмысленного, крайне непопулярного не только в своё время, сейчас, но и в будущем. Под этим аморфным, расплывчатым термином от максипреобладающего большинства — страшный истинный скрытый смысл, имя которого разрушено.

О том, что приёмы подмены смыслов используются во все смутные времена, писал ещё М.А. Волошин. В одном из его блестящих стихотворений «Ангел изгоняет» читаем:

Устами каждого воскликну я: «Свобода!»
Но разный смысл
для каждого придам...

В данном случае уместно вспомнить источник всего сущего — Библию, где в откровении от Иоанна говорится, что «в начале было Слово...». В нашей ситуации мы встречаем знакомый феномен, но с противоположным знаком. И что за этим последовало в жизни нашего поколения, государства и целой системы, мы узнаём из романов Домбровского («Падение к подножию пирамид», «Delirium, или Безысходность — род безумия» и других).

Мы узнаём, что под этим фальшивым призывом в очередной раз под аккомпанемент подпевавшего и подталкивающего большинства стремятся протиснуть ложную программу, деформирующую существовавший, пусть и идеальный, но понятный и оптимистичный мир социально-духовных ценностей. В галерее созданных писателем образов изображены наши современники, которые несут нам понимание главной трагедии. На самом деле, под прикрытием словесной трескотни, вместо лучезарного Прометеева факела, излучающего свет истины, культуры и созидательного прогресса в очередной раз пытаются дать взамен тусклой свече серости, потребительства, стяжательства.

Такие мысли неслучайно возникают после вдумчивого прочтения романа «Падение к подножию пирамид». На мой взгляд, в этом произведении в яркой художественной форме создан поразительный по своему трагизму образ человека, падающего с неприглядной, вполне определённой высоты, пронизанной пафосом прогресса, энтузиазма, созидания и надежды, — к подножию мнимого человеческого достоинства и былого величия умершей и ушедшей в небытие цивилизации. И в этом падении в прямом и метафорическом смысле слова социум в целом

и человек как его частица совершают не просто шаг назад, а фактический провал в безвременье. Удивительно, но факт, как на глазах одного поколения в течение пяти лет удалось разрушить то, что создавалось десятилетиями. К сожалению, трагедиям личных судеб миллионов людей, проживающих на территориях независимых государств постсоветского пространства несть числа, и пока ещё никто не увидел хотя бы слабый свет в конце туннеля.

Учитывая, что творческие и художественные достоинства таланта Домбровского получили достаточное отражение в работах А.Потапенкова, А.Бахарева, В.Терехова и других, хотелось бы коснуться иных, не менее интересных составляющих многогранной личности писателя.

Так, мне неоднократно доводилось быть свидетелем его ярких публичных выступлений, где блестяще раскрывался незаурядный ораторский дар. Всегда подкупало то, что Домбровский никогда не пользовался шпальтками. Вместе с тем речь его ни на минуту не теряла железной логики и красной связующей нити изложения. Он обладал приятным тембром голоса, выразительностью слога, лёгкостью и неприуждённостью, которые органично дополняли артистизм и личное обаяние. Его беседы, диалоги, лекции всегда пользовались неизменным успехом.

Сам по природе новатор, Анатолий Домбровский всегда живо поддерживал любые начинания в культуре. Нельзя не вспомнить, как ровно двадцать лет назад с огромным энтузиазмом была воспринята его идея проведения праздника славянской письменности и культуры. Домбровский до последних дней был неизменным членом его оргкомитета. В журнале «Брега Тавриды» к этой дате была опубликована статья писателя о Кирилле и Мефодии. На открытии праздника Домбровский выступил с блестящей речью, и во многом его стараниями этот замечательный, глубокий культурный проект живёт и поныне.

Другой пример: в 1995 году, возмущаясь с очередного Чеховского форума, я поделился своими яркими впечатлениями с Анатолием Ивановичем и предложил опубликовать часть докладов в журнале. Он загорелся идеей. После этой встречи появилась постоянная рубрика «Чеховские чтения», которая и сейчас является украшением «Брегов Тавриды».

Известно, что родился Домбровский в простой деревенской семье в селе Ручьи Раздольненского района. Отец его Иван был деревенским мастером на все руки. Мне посчастливилось познакомиться с ним, когда в декабре 1994-го, в год 60-летнего юбилея писателя, мы организовали творческую встречу на его родине, в ручьевском Доме культуры. Побывали в доме отца. Запомнились типичный сельский дом собственной постройки, чистота и аккуратность, без излишеств и мозолистое, жилистое, обожжённое солнцем и работой руки хозяина, который к этому времени жил один. Несмотря на житейские трудности, он показался мне общительным, бодрым.

Для многих остаётся секретом, каким таким непонятным образом человеку удаётся вернуть к жизни любые, необходимые в сельской жизни предметы быта и домашнего подворья. Тогда я разгадал для себя одну причинно-следственную связь, которая составляет неразрывную цепь между родителями и детьми. Восприимчивые нравственные черты своих отцов и матерей, мы становимся теми, кем должны быть в этой жизни, независимо от обстоятельств и рода деятельности. И Анатолий Домбровский, опираясь на этот незыблемый фундамент, развивая свои творческие способности, стал поистине мудрецом в нашей современной литературе.

Леонид БЕЛЫЙ,
писатель, доктор философских наук,
член-корреспондент РАЕН.
Симферополь